

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертационное исследование Филимонова Никиты Александровича «Римская провинция Дакия: административное устройство и управленческий аппарат», представленное к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Диссертация Н.А. Филимонова состоит из введения, пяти глав основной части, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы (509 названий) и трех приложений. Общий объем работы – 378 страниц. Использована научная литература по теме на 10 языках, не считая древнегреческого и латинского. Всё это позволяет рассматривать ее как явление неординарное. Автор собрал, систематизировал и проанализировал огромный массив фактического материала, в основном эпиграфического, в силу специфики самой темы. Он уверенно владеет инструментарием историка-античника и демонстрирует навыки сложившегося исследователя. Актуальность своей работы диссертант видит в том, что назревшая проблема комплексного анализа провинциального политико-административного устройства периода Принципата до настоящего времени не решена, так что диссертация представляет собой попытку ее решить на примере такой интересной в научном плане провинции, как Дакия. Думаю, с этим вполне можно согласиться.

Что касается степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, изложенных в диссертации, то здесь следует заметить, что работа основана на весьма солидной документальной базе, с учетом разработанности анализируемых проблем в мировой науке. Автор в необходимых случаях полемизирует с признанными авторитетами в данной области и чаще всего убедительно аргументирует свою точку зрения, правда, иногда слишком лаконично.

Если обратиться к тексту самой диссертации, то можно констатировать, что введение отвечает своему назначению. Правда, положения, выносимые на защиту, которые обычно содержатся в этой части квалификационной работы, почему-то перенесены в заключение. Кроме того, во введении дана, на мой взгляд, слишком подробная характеристика нарративных источников, которая включает и общеизвестные сведения об античных авторах, не имеющие прямого отношения к теме исследования.

Фактический материал, который изложен и проанализирован в главах основной части, вызывает уважение к диссертанту, который сумел справиться с таким объемом информации. Ему удалось на примере Дакии дать наглядное представление о механизме функционирования административного аппарата вооруженной провинции сверху донизу. Принципиальных замечаний к его наблюдениям и выводам у меня нет, более того, полагаю, что работа Н.А. Филимонова вносит заметный вклад в исследование актуальных проблем истории Римской империи и должна быть издана в виде монографии. Именно по этой причине имеет смысл обратить внимание автора работы на малозначительные (в основном) погрешности и недочеты в ней.

Рассматривая предысторию провинции Дакия, автор вольно или невольно искажает как ход событий во время римско-дакийской войны 85–89 гг., так и суть политики Домициана, последнего императора династии Флавиев. В диссертации указывается, что даки под началом Децебала, вторгнувшись в римские пределы зимой 85 г. разгромили наместника Мёзии Оппия Сабина и префекта претория Корнелия Фуска, но на следующий год дакийский царь, сознавая слабость своего племенного союза перед лицом могучей Римской империи, пошел на заключение мира и умудрился добиться весьма выгодных для себя условий (с. 51–52).

В действительности же разгром Оппия Сабина относится, скорее всего, к лету 85 г., после чего на театр военных действий отправился сам император, который назначил своего префекта претория Корнелия Фуска командующим сосредоточенной для контрнаступления войсковой группировкой. Фуску удалось с тяжелыми боями оттеснить противника за Дунай, но на следующий год римский командующий, перенеся войну на территорию противника, попал в засаду в горных теснинах Дакии, был разгромлен и сам погиб в бою. На 87 год приходится оперативная пауза. В 88 г. даки потерпели крупное поражение в генеральном сражении при Тапах от Теттия Юлиана, преемника погибшего Фуска.

На 89 г. римское командование намечало последний, нокаутирующий удар по врагу, однако он не состоялся по двум обстоятельствам. Во-первых, в начале 89 г. внезапно вспыхнул и столь же быстро был подавлен военный мятеж Антония Сатурнина, наместника Верхней Германии, поставивший под сомнение стабильность ситуации на Рейне. Во-вторых, резко осложнилась стратегическая обстановка на Среднем Дунае, где находилась в процессе формирования мощная антиримская коалиция германских племен квадов, маркоманнов, свевов и сарматов-языгов.

Оказавшись перед столь серьезной проблемой, Домициан и его штаб продемонстрировали способность быстро реагировать на новый вызов. Выход был найден в принятии очередных мирных предложений дакийского царя. Компромиссный мир (конец июля 89 г., но никак не 86 г.!) превратил Дакию в государство-клиента Рима, что серьезно улучшило стратегическое положение в бассейне Дуная и сделало возможным сосредоточить внимание римского командования на паннонском театре военных действий.

Диссертант полагает, что «Домициан, не желая того, сделал все, чтобы Дакийское царство окрепло и стало действительно серьезным противником Рима на севере Империи. Договор 86 г. являлся номинально «мирным», но обе стороны понимали, что в дальнейшем крупный конфликт неизбежен» (с. 52).

Здесь считаю необходимым отметить, что, хотя в этом месте своей работы Н.А. Филимонов в доказательство этого тезиса ссылается на мою статью (прим. 172), но моя идея (точнее, не только и даже не столько моя) была диаметрально противоположной. Концепция Домициана как раз имела целью исключение нового конфликта с даками и превращение царства Децебала, где, кстати, и до римского завоевания, судя по археологическим данным,

вполне успешно развивался процесс романизации, в одно из «буферных» образований, прикрывавших наиболее уязвимые стратегические направления.

На той же странице диссертант указывает, что «характерной чертой «золотого века» Империи был экспансионистский характер ее внешней политики, поэтому для Траяна одной из главных задач было решение «дакийского вопроса». Справедливой здесь является одна мысль: Траян, хотя и *homo novus* в римской военно-политической элите, действительно был типичным экспансионистом старого стиля, одержимым идеей силового решения возникших по периметру римских границ проблем. Поэтому от стратегической концепции Домициана он не то чтобы совсем не оставил камня на камне (кое-что осталось на второстепенных направлениях – *limes* в Британии и Германии), однако принципиальное решение уничтожить свободную Дакию было принято сразу после его прихода к власти.

Считать же экспансионизм присущим преемникам Траяна нет никаких оснований. Хорошо известно, что уже Адриан сразу отказался от большей части завоеваний своего предшественника на Востоке, и, начиная с его principata, Империя перешла к стратегической обороне, гибко реагируя на появлявшиеся угрозы, при необходимости переходя в контрнаступление или даже нанося превентивные удары. Однако в целом Антонины придерживались той политики, основы которой заложил последний Флавий, и с экспансионизмом она имеет мало общего. Ее главный принцип лаконично сформулировал Тацит, характеризуя внешнюю политику Тиберия: действовать *plura consilio quam vi*, «больше умом, чем силой». Иначе говоря, приоритет во внешней политике отдавался дипломатическим методам.

Не могу согласиться и с утверждением диссертанта о плачевном состоянии римских финансов к началу II века: по его мнению, «казна государства после продолжительной нестабильности высшего аппарата власти была практически опустошена» (с. 52). Во-первых, оно голословно и не подтверждается ни данными источников, ни аргументами исследователей. Во-вторых, оно прямо противоречит фактам.

Высокий уровень финансовой политики Домициана отмечал еще Рональд Сайм в одной из своих ранних работ, которую Н.А. Филимонов почему-то обошел вниманием (Syme R. The Imperial Finances under Domitian, Nerva and Traian // JRS. 1930. Vol. 20. P. 55–70). К моменту гибели последнего Флавия вес золотой монеты соответствовал стандарту времени Августа, а проба серебряной хотя и ухудшилась в 85 г. из-за чрезвычайных расходов (прежде всего, повышения жалования военнослужащим), но была выше, чем при Веспасиане, и установленное в тот год содержание драгоценного металла в денарии сохранялось до конца правления Домициана. После него ни Нерва, ни Траян физически не успели бы растратить накопленный их предшественником финансовый резерв, даже будь у них такое желание. Кроме того, Траян просто не смог бы начать боевые действия против даков, не имея надежного источника финансирования военных расходов.

Указывая на разработку римлянами рудников завоеванной Дакии, автор диссертации констатирует (с. 56): «Хотя добыча полезных ископаемых явля-

ется и по сей день весьма тяжелой и опасной работой, для малообеспеченной прослойки населения, преступников (*damnati*) и бедных вольноотпущенников трудоустройство в шахте означало стабильный и высокий доход...». Я бы усомнился в том, что это интересное наблюдение относится и к преступникам, приговоренным к работе в рудниках.

Освещая события после смерти Траяна и прихода к власти Адриана (так называемый заговор четырех консуляров), диссертант полагает, что казнь в их числе Гая Авидия Нигрина «демонстрирует стремление Адриана к абсолютизации своей власти в начале правления» (с. 73). Надо сказать, что с таким стремлением у римских принцепсов всё было в порядке – и у «тирана» Домициана», и у «демократичного» Траяна. Естественно, Адриан не выпадает из общего ряда Антонинов, в котором исключение составляет лишь Нерва, и то потому, что его положение было достаточно шатким, а пребывание на вершине власти оказалось очень недолгим.

Анализируя успешную до определенного момента карьеру Квинта Марция Турбона, автор диссертации (с. 83–85) указывает: «Свои должностные обязанности Турбон исполнял лишь до 10 августа 123 г., поскольку, как и многие представители имперской элиты, попал в немилость Адриана и был «жестоко преследуем». Затем следует вывод: «Таким образом, *cursus honorum* Квинта Марция Турбона является ярким примером того, как дружба с императором и его полное доверие могли способствовать успешной карьере». Я бы добавил к этому и нечто иное – об «опасной дружбе принцепсов» говорил еще Гораций.

В диссертации указано, что один из прокураторов, Марк Макриний Авит Катоний Виндекс, «после службы в задунайской провинции был введен в сенаторское сословие путем *adlectio inter praetorios*. Подобная практика имела наибольшее распространение при Септимии Севере, однако при Марке Аврелии (и династии Антонинов в целом) фиксируются единичные случаи применения подобного механизма» (258). Здесь можно уточнить: такая практика применялась еще Веспасианом после гражданской войны 68–69 гг. для пополнения сената своими сторонниками, и неудивительно, что Септимий Север в подобной ситуации последовал его примеру.

В последней главе диссертации имеет место явная неточность при упоминании «времен минувших»: «Организация римского общества республиканского периода отражала его военные интересы. При переписи граждане делились на классы, которые первоначально были разработаны с учетом военного потенциала: кавалерия, тяжеловооруженные и легковооруженные войска и те, кто был слишком беден, чтобы иметь и содержать коня. Каждый римский гражданин был обязан служить, если государство призывало его. Цицерон проясняет связь между гражданством и военной службой, когда говорит, что отказ зарегистрироваться в переписи или служить в армии является прямым отказом от гражданства» (с. 280).

Очевидно, подразумевается военная организация римского общества, основы которой были заложены еще Сервием Туллем. Но к числу тех, «кто был слишком беден, чтобы иметь и содержать коня», относилось большин-

ство римских граждан. Понятно, что здесь имеется в виду нечто противоположное, а именно: *proletarii*. Но они, как известно, вплоть до военной реформы Мария были освобождены от военной службы. Указание на Цицерона здесь требует ссылки, которая, к сожалению, отсутствует.

В параграфе втором третьей главы рассматривается *cursus honorum* Тита Дестиция Севера, который начинал как профессиональный военный, а продолжил свою карьеру как профессиональный финансист, судя по занимаемым им постам, очень высокого уровня. Диссертанта смутило то обстоятельство, что одна из должностей Дестиция Севера, указанная в почетных надписях, именуется *procurator Daciae Superioris*, тогда как известно, что Верхняя Дакия управлялась императорским легатом. Кроме того, данный персонаж является единственным известным лицом, занимавшим должность прокуратора в данной провинции.

Выход из этого затруднения Н.А. Филимонов видит в том, что предлагает считать упомянутую должность ошибкой резчика надписи, тогда как в действительности Дестиций Север мог быть прокуратором Поролиссской Дакии (с. 172, 198; с. 21 автореферата). Вместе с тем, диссертант оговаривается: «Однако, если даже предположить, что Дестиций Север был прокуратором именно Поролиссской Дакии, а не Верхней, мы не можем отрицать тот факт, что во всех надписях он упоминается как *procurator Daciae Superioris*» (с. 173, выделено автором диссертации).

Полагаю, что именно последнее обстоятельство сводит на нет рассуждения автора по этому поводу. Нельзя забывать, что эпиграфический материал дошел до наших дней далеко не полностью, поэтому вполне вероятно, что надписи с упоминанием других прокураторов Верхней Дакии не сохранились или же пока не обнаружены. Возможен и другой вариант: Дестиций Север как специалист высокой квалификации по поручению императора мог быть временно назначен на эту должность в качестве «кризисного менеджера» и после выполнения возложенной на него задачи получил другое назначение. Количество выдвинутых по этому поводу гипотез, наверное, можно и увеличить, но бесспорным можно считать один факт – данное лицо действительно занимало должность прокуратора Верхней Дакии.

Диссертанту следует обратить внимание на научную акрибию и не допускать неточностей, именуя, к примеру, парфянского царя, Аршакида Вологеза III «царем персов» (с. 100) – в цитируемом автором месте Кассия Диона ничего подобного нет. На с. 210 читатель узнаёт, что «в 195 г. Септимий Север починил Северную Месопотамию...». Справедливости ради, надо заметить, что подобных неточностей, опечаток, стилистических погрешностей в диссертации немного.

Еще одно замечание касается того, что в диссертации не всё ладно с терминологией. Латинский термин *castra* автор передает кириллицей и склоняет это слово на русский манер (с. 138, 266, 290). Посвящение Διὶ Ὑψίστῳ (Зевсу Высочайшему) переводится как «Богу Гипсистосу» (с. 231). Аббревиатура *IVir* расшифровывается диссертантом на с. 96 как «секстемвир» (корректно – *sevir* или *sexvir*). Указывая административные должности *procurator*

ad census и *pro legatus provinciae Daciae* (с. 190–191), надо помнить, что латинский предлог *ad* требует винительного падежа, а предлог *pro* – отложительного, поэтому корректно будет *procurator ad censum* и *pro legato provinciae Daciae*. Не следует расшифровывать латинские аббревиатуры надписей AVGGG NNN и AVGG NN неудобочитаемыми словосочетаниями *Augggustorum nnnostrorum* и *Augggustorum nnostrorum* (с. 211, 236); вместо этого следует читать *Augustorum nostrorum trium* и *Augustorum nostrorum duorum*.

На с. 172 читатель с удивлением узнаёт, что неоднократно упомянутый выше Тит Дестиций Север «включен в списки *equo publico* за свои заслуги лишь под конец жизни». Подразумевается, конечно, ранг *eques Romanus equo publico*, римского всадника первого разряда.

Несмотря на приведенные замечания, следует отметить, что диссертация Н.А. Филимонова производит самое положительное впечатление, а замеченные недостатки могут быть легко устранены при подготовке книги к печати. Приведенные в конце работы приложения, в том числе иллюстративный материал, вполне уместны и наглядно демонстрируют результаты работы автора, которые сэкономят немало времени и труда тем, кто будет далее заниматься этой или смежной проблематикой.

Результаты диссертационного исследования могут и должны быть использованы в научно-исследовательской работе, в преподавании, как общего курса истории Древнего мира, так и специальных курсов.

Автореферат и публикации автора отражают основные положения и выводы диссертации, которые в достаточной степени апробированы на всероссийских и международных конференциях.

Таким образом, диссертация Н.А. Филимонова представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для исторической науки. Диссертация представляет собой оригинальное, законченное научное исследование, в котором получены новые обоснованные результаты.

Диссертация «Римская провинция Дакия: административное устройство и управленческий аппарат» является научно-квалификационной работой, отвечающей критериям, сформулированным в п. 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Филимонов Никита Александрович, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история (история Древнего мира).

Официальный оппонент:
профессор кафедры Церковной истории
Саратовской православной духовной семинарии,
доктор исторических наук, профессор

Виктор Николаевич Парфенов

06.06.2023.

Адрес места работы:

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Саратовская православная духовная семинария Саратовской Епархии Русской Православной Церкви», 410028 Россия, Саратов, ул. им. Мичурина И.В., д. 92.

Телефон: (8452) 49-18-44.

Электронная почта: Kanzspds2@yandex.ru.

Подпись профессора В.Н. Парфенова заверяю:
Зав. канцелярией СПДС

Г.Е. Ларюкова